

Георг фон дер Габеленц "Белый зверь"

Georg von der Gabelentz - Bia³y zwierz (Das weisse Tier, ein Nachtstuck) (1904)

Рассказ довольно популярного в начале 20 века писателя, в наше время основательно забытого.

Хороший классический мистический рассказ. Классический во всех смыслах — в этом его сила, из этого происходят его слабости.

Старый доктор рассказывает о странном происшествии из времен своей молодости (точнее молодости и потом уже, как Карлсон, в полном расцвете сил). Оба происшествия связаны с таинственным русским.

Тут тебе и спиритизм, и поменстье в лесу, и месть из могилы.

Хороший антураж, довольно интересное повествование.

Вместе с тем, он только для тех, кто любит мистические ужастики 19 — самого начала 20 века. Многим «Белый зверь» может показаться архаичным

Доктор Рудигер обернулся, гневно морща лоб:

- Нет, тысячу раз нет! Вы считаете меня ребенком, верящим в сказочки и смешные байки о духах? Я вас уверяю, что не являюсь спиритом, но, тут я с вами согласен, во время сеансов, сознательно или не сознательно, часто происходили всякие инциденты. Нельзя вот так сразу сомневаться в том, чего мы не можем объяснить, это же глупость, зазнайство! — Старый доктор распалился и говорил так громко, что обратил на себя внимание гостей, собравшихся октябрьским вечером в библиотеке одного из берлинских отелей.

Все разговоры прервались, и все стали прислушиваться к дискуссии за одним из боковых столиков. Один из собеседников, тот, к кому обращался доктор, ответил:

- Вы, наверное, имете ввиду случай Хомеса, несколько лет назад ставший здесь большой сенсацией. Я склонен утверждать, что речь идет о мошенничестве, очень умелом обмане зрителей. Это штучки умелого фокусника, а не таинственное состояние загипнотизированной особы.

- Я этого не знаю, я не видел Хомеса и не могу судить о нем. Я имел в виду другой случай, давний, произошедший в необычных обстоятельствах. За его достоверность я ручаюсь, ибо сам был свидетелем событий.

- Вы? Правда? Расскажите! — раздавалось со всех сторон.

Слушатели придвинулись поближе к доктору Рудигеру, сидевшему у камина на низком, покрытом шкурой стуле. Его взгляд был устремлен вглубь большой комнаты, будто там, на фоне темно-красных обоев, двигалась тень пережитого им.

- Хорошо, я расскажу. Возможно, история, которая, как я уже сказал, не вымышленная и имевшая место в действительности, засвидетельствует вам то, о чем человек с широко открытыми глазами и так знает — в нашем мире происходит много чудес. Мы окружены загадками в прямом смысле этого слова: начало и конец нашего мира, нашей жизни — это вопросы, не дающие покоя разуму. Наука уже раскрыла некоторые важные аспекты физических явлений, может вскоре найдется объяснение и пережитому мной, поскольку, если не ошибаюсь, упоминания об этом случае можно найти в книгах нескольких ученых, вот так сразу я могу припомнить только Аксакова.

Вас удивляет мое возбуждение, но после того, как выслушает мой рассказ, вы все поймете. 20 лет назад я пережил необычную ночь, показавшуюся мне вечностью, в эти

часы возле меня лежал страшный бледный призрак, призрак тревоги. Да, да, это было не что иное, как подлая трусливая тревога перед чем-то непонятным и необычным, превратившая меня за несколько минут в больного нервного человека.

Вы представляете, что происходит, когда кого-то охватывает тревога? Это абсолютно иное состояние, чем страх. Страх перед смертью, перед наказанием, перед физической болью сможет превозмочь любой отважный мужчина. Во время путешествия по Индии я не боялся, даже когда в Тибете был схвачен буддистами. Мне грозила страшная смерть, если бы был раскрыт мой маскарад и во мне опознали европейца, а это могло произойти в любую секунду. Но тогда я имел дело с людьми, хотя и злыми типами. Я смерти не боюсь, если она естественна, она придет за всеми, а в своей жизни я не раз заглядывал ей в глаза. Той ночью было что-то в тысячу раз более страшное, от чего я дрожал, хотя его присутствие только ощущал. Тогда я узнал, что значит тревога, трусливая тревога, поражающая нервную систему.

Началась эта история довольно давно, поэтому, господа, нужно припомнить кое-что. Прежде чем я вышел на пенсию и поселился в Берлине, в молодости я некоторое время работал в Швейцарии, в только что построенной больнице в Женеве. В кругу молодых иностранцев я завел мимолетное знакомство с Иваном Петровым, рьяным поклонником спиритизма и членом спиритического кружка, куда и я иногда заглядывал из чисто научного любопытства.

Группа ставила целью установление контакта с миром духов и изучение его при помощи медиума. Если честно, они были людьми достаточно спокойными, а я относился к их экспериментам холодно и с сомнением, и не скрывал, что из их встреч не возникло ничего, что нельзя было бы легко объяснить обычными галлюцинациями или внушением. Но все резко изменилось, когда я встретил там некоего господина Зассулича. Никто не знал, откуда этот необычный человек. Он сам говорил, что из Сербии, и это все восприняли на веру. Да нас это и не волновало. Хотя меня ничто не связывало с этим человеком, кроме обмена несколькими общими фразами, я намеренно уходил с его пути, чувствую неприязнь. Остальные чувствовали тоже. Я никогда не видел человека настолько отвратительного. Он был карлик, к тому же горбатый. Когда он касался какого-то предмета костистыми тонкими пальцами своих сильных рук, мне казалось, что вижу когти хищной птицы. Рыжие нечесанные волосы, бледное лицо, покрытое веснушками, скрывали его возраст.

Мне было неясно, почему, несмотря на всеобщее отвращение, его принимали в нашем кругу. Карлик имел большое влияние на всех, и особенно на Ивана Петрова.

Зассулич демонстрировал ему примеры магнетического воздействия на расстоянии, граничащие с чудом. Я пытался найти объяснение.

Когда карлик абсолютно серьезно сказал, что после смерти собирается остаться в контакте с нашим миром, никто не рассмеялся и не возразил, его эксперименты вызывали уважение даже у самых скептически настроенных среди нас.

Когда он появлялся в обществе, в момент, когда его маленькая фигурка проскальзывала в дверь, мы все ощущали, что переставали быть хозяевами собственной воли. Как я упоминал ранее, наиболее податливым был Петров.

Этот красивый и разумный человек бросился без остатка в омут спиритизма, надеялся с помощью спиритизма, несмотря на мои контраргументы, разгадать все тайны мира.

Вскоре власть серба над молодым человеком, установившаяся благодаря гипнотической связи, была опаснее и хуже, чем связь господина и раба.

Зассулич, в отличии от других гипнотизеров, гладил своей длинной рукой левое плечо избранника, которого хотел погрузить в сон. Одного прикосновения к плечу Петрова хватало, чтобы тот полностью подчинился.

Через несколько недель были заметны признаки злоупотребления им своей властью над Петровым, которому он приказывал совершать разные пакости, находясь в состоянии гипнотической бессознательности.

В нашей группе подозревали, хотя никаких доказательств не было, что единичные так и не раскрытые кражи, да даже и ограбления, дело рук Петрова под влиянием гипнотизера. Мы видели, что молодой человек, когда не был под гипнозом, старался избавиться от власти Зассулича, пытался не встречаться с ним, но напрасно – он все больше попадал в губительную зависимость. Это нависало над ним как фатум. С каждым днем Петров становился все более неразговорчивым и пугливым, отдалялся от приятелей.

Со времени знакомства с Зассуличем, он перестал заботиться о своем внешнем виде, не обращал внимания на одежду, а когда он был очень элегантен.

Припоминаю вечер одного хмурого дождевого дня. Я увидел две фигуры, идущие по Родану к озеру, в них я узнал Петрова и горбуна. Заинтересовавшись, я пошел за ними. Они свернули в боковую улочку и вошли в портовый притон, одну из пресловутых "обителей разврата". Мне удалось заглянуть со двора в окно большого подвала, набитого отборными босяками, моряками, грузчиками, портовыми работниками. Среди них было несколько проституток.

Петров, ранее старательно избегавший подобных компаний, вошел в нее вместе со своим товарищем. Они уселись за стол посреди пьющей толпы, приветствовавшей их громкими радостными воплями. Один из типов тут же подошел к новоприбывшим, оживленно о чем-то рассказывая, остальные тоже приблизились, будто выпрашивая что-то. Зассулич снял со стены гитару и передал ее Ивану. Тот сопротивлялся, но гипнотизер похлопал его по плечу.

Молодой человек безвольно взял инструмент в моментально затихшем зале, и стал петь одну из этих мерзких, вульгарных песенок, из тех, что можно услышать лишь в подобных заведениях. Когда он начал припев, подключилась вся стая, смеясь и хлопая в ладоши. Такое поведение вызвало бы брезгливость у любого приличного человека.

Как же низко пал бедный Петров, если позабыл семью и друзей, и отдавался непристойным развлечениям Зассулича.

Песня закончилась под громкие крики одобрения, одна из размалеванных девок обняла певца и поцеловала. Петров, не употреблявший спиртных напитков, со смехом влил в горло стопку бренди. А когда по просьбе Зассулича принесли несколько засаленных костей – они хотели сыграть на красавицу по имени Мадлен – он уже был не в себе. Увиденное в притоне наполнило меня отвращением и ужасом. Одурманенный резким запахом табака и спиртного, щедро лившимся из окна подвала, я оставил свое укрытие и вернулся домой, никому ничего не сказав. Я знал, что Петров мог так себя вести только под гипнотическим влиянием своего искусителя.

Подозрение, что загипнотизированный соучастник горбуна Петров совершал разные преступления, появились вновь, после отъезда молодого человека из Женевы в неизвестном направлении. Даже ближайшие друзья не знали, куда он подался. Бегство медиума поразила мерзопакостного Зассулича. Он клялся самым дорогим, что найдет беглеца и посчитается с ним. Я не знаю, встретились ли они снова, но когда через несколько дней на высокой скале над озером нашли пустой портфель и шляпу Петрова, мы не сомневались, что он покончил жизнь самоубийством, лишь бы спастись от преследователей.

Под покровом ночной тьмы исчез из Женевы и Зассулич. Когда стали поговаривать, что Петров не умер естественной смертью, власти приложили немало усилий для ареста серба, но безрезультатно.

Вскоре этот город оставил и я, чтобы через много лет осесть в Литве, неподалеку от границы Российской империи. С течением времени старые воспоминания стерлись, я

долгое время не слышал о Женева, ни об умершем при загадочных обстоятельствах Петрове, ни о Зассуличе.

Моя врачебная практика распространялась и на отдаленные фермы, поэтому я держал жеребца. Поскольку приходилось совершать многочасовые конные поездки, я считал, что хорошо знаю окрестные деревни и фермы.

Однажды, как и сегодня, третьего ноября я возвращался после посещения больного, жившего на краю города, и застал у своего порога всадника, слезшего с коня и шедшего к моим дверям.

Я подъехал ближе и окликнул его. Он остановился и спросил о докторе Рудигере.

- Это я. Что вы хотите?

Посланник, высокий и жилистый парень, скорее всего русский, достал из-за пазухи письмо и подал мне со словами:

- Вы должны немедленно поехать со мной к моему господину.

Я быстро распечатал письмо. Оно было примерно таким:

"Господин доктор! Прошу последовать за моим посланцем. Я болен и не могу покинуть дом. Если Вы не приедете, то я могу сгинуть! Прошу, чтобы никто не знал об этом визите! Преданный Вам Вильгельм Розен"

Это был необычный способ приглашения врача. Да и что означали слова, написанные в дикой спешке?

Я спросил посланника, который уже натягивал поводья, о состоянии его господина. Он пожал плечами и ответил на плохом немецком:

- Ничего не знаю, вообще ничего! – При этом он скривил рот, неприятно ощерив зубы, моргал и стучал себя пальцами по лбу.

- Ты с ума сошел?

- Ничего не знаю, вообще ничего! Он никогда в этот день не остается дома, он боится и говорит, что белый зверь опять пришел! – После этих слов россиянин обернулся и вскочил на коня. У меня не было времени что-либо разузнать, парень не смог ничего объяснить, может, не хотел распространяться о болезни хозяина, имени которого я не встречал среди хозяев окрестных ферм.

Мы поскакали в сторону российской границы. Мой товарищ гнал коня и не вступал в разговоры, уклончиво отвечая на вопросы, отделяваясь отговорками.

Через час мы свернули на узкую дорожку, мне совершенно незнакомую, проехали по заросшей лесом долине и возле небольшого здания таможни пересекли границу. Долина выглядела на редкость зловеще. Кроны старых сосен создавали над заброшенной дорогой густые и высокие ворота. Огромные ели сплетались своими длинными корнями, напоминающими усики полипов. Испарения, поднимающиеся от ручья, стирали очертания предметов и стирали цвета. Они наколдовывали перед глазами разнообразные гротескные образы.

Видимо, топор не касался деревьев этого леса. Когда наступили сумерки, мы, измученные и разгоряченные быстрой ездой, остановились у двухэтажного дома, в котором жил Розен. Мой товарищ взял коней, а я вошел в большое здание, окруженное обширным поместьем. В комфортно обставленном холе, увешанном охотничьими трофеями, меня приветствовал слуга, тоже русский., он провел меня через многочисленные помещения в комнату хозяина, а затем молча ушел.

Высокий, худой, безбородый мужчина в темных очках легко поднялся из удобного плетеного кресла, стоящего у необычайно большого камина и крепко пожал мне руку.

Радостная усмешка блуждала по его довольно приятному лицу. На хорошем немецком он попросил меня присаживаться и поблагодарил за быстрый приезд.

Потом он сказал:

- Недавно я чувствовал недомогание. Но сейчас мне значительно лучше. Я очень благодарен за то, что вы приехали. – Говоря это, Розен подошел к двум дверям, одни из которых вели в прихожую, и старательно закрыл их, ключ он положил в карман, а затем осмотрел окна. Хозяин дома сел напротив меня.

Присмотревшись к хозяину дома, я решил, что он не болен. Несмотря на 60 лет, именно так я определил его возраст, он был строен и силен, его движения выдавали энергию и мощь. Я не посчитал его душевнобольным, поскольку его большие темные глаза говорили о терзающей его меланхолии. Спокойно, ничем не напоминая нервное письмо, он говорил о разном, о политике и тому подобном. Он не касался болезни, я не спрашивал.

Наступила ночь. Мне показалось, что она стала на дворе и заглядывала к нам в окно.

Ветер прекратился, лишь изредка его жалобные завывания доносились из леса. В комнате было тихо, мы, будто бы по обоюдному согласию, беседовали вполголоса. Только старые часы на каминной полке разрывали тишину глухим металлическим тиканьем.

Розен торопливо зажег все свечи и лампы, расставил их так, чтобы были освещены даже самые отдаленные углы комнаты. Затем сел рядом со мной у камина. Его самообладание постепенно исчезало, уступая место рассеянности. Он часто смотрел на карманные часы, а затем сравнивал их показания с часами на камине. Его руки подрагивали, когда доставали золотую цепочку. Несмотря на это, Розен разговаривал ясно и понятно, производил впечатление здравомыслящего человека, не чуждого разнообразных интересов.

Он начал разглагольствовать о равноправии и вольностях для крестьян, о преимуществах и недостатках, сопровождающих этот шаг, для государства Российского, показывая досконального знания предмета и живость ума. А затем хозяин дома вдруг забывал обо всем, даже о предмете разговора.

Стоящие на камине часы начали отбивать очередной час. Я не обратил на это внимания, заинтересовавшись рассуждениями моего необычного пациента.

Розен прервался на полуслове, посмотрел на стрелки и стал отсчитывать удары. Восемь. Хозяин дома с облегчением вздохнул и тихо сказал:

- Восемь. Он еще не придет! – Он продолжил беседу, как ни в чем не бывало, не извиняясь за свое странное поведение и не пытаясь его объяснить. Мой вопрос, ждет ли он сегодня вечером важные известия либо гостей, он проигнорировал, продолжая болтать о политике и социальных условиях.

Через час эта сцена повторилась.

Когда часы начинали бить, медленно и чисто, хозяина дома будто покидала жизнь. Розен прерывал разговор и отсчитывал девять ударов. Затем он обошел комнату, убедившись, что окна и двери надежно заперты, и с лицом, на котором отражались страх и подавленность, вернулся к камину.

- Еще не придет! Мы должны подождать! – скрытый страх звучал в его словах, Розен подвинул свой стул поближе к моему. Он не объяснял своего поведения. Я встал, продемонстрировал, что собираюсь его покинуть. Я очень устал и не собирался проводить ночь, исследуя обряды какого-то чудака и ожидая неприятного происшествия, о котором меня даже не хотели проинформировать. Я еще не успел подняться, как хозяин дома впился в мои плечи и толкнул с неожиданной силой обратно в кресло.

- Оставайтесь, заклинаю вас, оставайтесь еще ненадолго! Только ради эксперимента я не покинул дом сегодня, иначе никто бы не увидел меня здесь этой ночью. Это неправда, что я болен, как написал вам в письме. Просто хотел, чтобы вы приехали ко мне, как к тяжело больному, которому врач не может отказать в помощи. Я повторяю, я вам искренне благодарен, вы мне оказали услугу, значения которой вы сейчас не в состоянии оценить. Мое поведение должно казаться вам странным. Не возражайте, я вижу, что вы начали сомневаться в здравии моего рассудка. О, не беспокойтесь, я нормален, у меня было достаточно времени, чтобы изучить свое душевное здоровье. Повторяю, я даже не чужак!

Хочу лишь убедиться, что ваше присутствие, сознание трезвого объективного человека прогонит кошмар, терзающий меня и... - Тут Розен вскочил и схватил одну из больших турецких сабель, зовущихся ятаганом, и являющихся опасным оружием в руке умелого воина. Прислонив ладонь к уху, он прислушался. Дрожь, вызванная частично нервами, а частично страхом, сотрясла его тело. Невольно и я встал, прислушиваясь. Мне вдруг показалось, что я слышу тихий звук, похожий на бег крысы по дощатому полу. Глаза Розена заметались по комнате и остановились на дверях в прихожую, из-за которых звук, скорее всего, и раздавался.

- Вы слышите? – тихо спросил он, сжимая мое запястье. Но царапанье уже прекратилось. Я попробовал его успокоить. Бег большой крысы по коридору была галлюцинацией или странным акустическим эффектом. Именно поэтому посланник постукал себя пальцем по лбу, у моего пациента, несмотря на заверения в нормальности, были галлюцинации. Если бы я знал их причину, то это была бы ценная подсказка в поиске метода лечения.

Стараясь говорить спокойно, я ответил:

- Ничего не слышу! Абсолютно ничего! Я думаю, что мы оба стали жертвами слуховых галлюцинаций. Объясните мне в конце концов, чего вы так боитесь?

Воцарилась мертвая тишина. Розен сел и положил саблю возле себя на стол, на котором стояли разнообразные курительные трубки. Я сидел в кресле.

- Как странно! – сказал он. – Я готов поклясться, что слышал, как он идет. Но если вы утверждаете... Вы уверены?

- Абсолютно! – ответил я. – Целиком и полностью. Вы можете быть уверены. Ничего не было!

Он в десятый раз кончиками пальцев убедился в остроте сабли.

- Вы поверите, что ей можно отрубить руку человеку? – неожиданно спросил Розен, взмахнув клинком, со свистом разрубившим воздух у моего уха.

- Несомненно, с легкостью. – Я невольно отодвинулся вместе с креслом.

Твердым взглядом Розен смерил оружие и взвесил его в руке.

- Да, да, одним ударом, одним единственным ударом можно его уничтожить! А одного удара в сердце хватит, чтобы убить человека, успокоить его навсегда! Такой ятаган действительно великолепная вещь! Но существуют твари, которых и им не убьешь. Что вы об этом думаете? – Он уставился на мои губы. Я бы хотел видеть оружие в чьих-то других руках, а не этого раздраженного больного.

- Я? Ну, Боже мой, это зависит только от того, кого именно вы хотите убить. Тем не менее, я допускаю, что таким оружием можно любого... - Он вдруг прервал меня.

- Тихо, ни слова! Вы слышите, кто-то скребётся в окно? Ради Бога, вы не слышите? – Он вскочил с кресла с побелевшим лицом, обшаривая взглядом темные проемы окон, его глаза были неестественно расширены. Да я и сам слышал тихий звук, будто кто-то шарил по оконным рамам, ища чего-то.

Но когда я спокойно подумал, то нашел правдоподобное объяснение.

- Думаю, это порывы ветра бросают увядшие листья в окна, - сказал я. – Кто еще может это делать?

В эту секунду часы стали отбивать очередной час. Розен повернулся ко мне и отсчитывал удары. Их было десять. Он вновь сел в кресло и пододвинулся поближе ко мне.

- Вы верите в это? Может, вы правы, и это только ветер. Но, сейчас десять, он еще не придет! Но кто его знает!

Снова воцарилась мертвая тишина. Мы долго молчали. Рядом с больным меня постепенно охватывало непонятное ощущение испуга, от которого я не мог избавиться несмотря на усилия. В комнате залегла тяжелая неестественная тишина. Многочисленные лампы и свечи разогревали воздух. Они освещали все углы, но мы ощущали, что что-то затевалось вокруг нас. Если бы я знал, что нас ожидает, что за существо уже около часа пугает нас,

закрытых в комнате, выслеживая и кружа вокруг. Никто из нас не решился бы сейчас открыть дверь или одно из окон. Мы знали, что оно бы ворвалось сюда. Чего бы я не отдал, чтобы выбраться из этого дома. Я чувствовал себя вовлеченным в странные бредни Розена, мне передалось нервное состояние моего пациента, хотя шум наверняка издавала крыса, пожухлые листья или заблудившаяся ночная птица. Я хотел принять простейшее объяснение. Уговорить себя я мог, но выдержать это непонятное ожидание я был больше не в силах.

Мой товарищ непрерывно озирался, держа руку на рукоятке сабли, прислушивался то к дверям, то к окнам.

Царила мертвая тишина, ветер утих. Голубые огоньки молча подмигивали в гаснущем камине. Мы вздрагивали при каждом треске догорающего полена.

- Вызвать слуг? – спросил я, желая оказаться в обществе других людей.

- Ради Бога, нет. Они не должны об этом знать, я ничего не смогу им объяснить! Сидите! – Розен посмотрел на меня угрожающе, и я отбросил всякие мысли о звонке.

- Скажите мне, чего вы так боитесь, чего вы ждете с каждым ударом часов. В противном случае я вас оставлю. Я должен знать, с чем имею дело. – Я думал, что этот больной будет нести всякий вздор, однако любое, даже очень странное объяснение, было лучше, чем неуверенность и сомнения.

Хозяин встал, снял очки и остановился напротив меня. Затем наклонился и спросил.

- Вы меня еще не узнали?

- Нет, правда, нет, - неуверенно ответил я, - но мне кажется, что мы когда то встречались. Вы не...

- Я Иван Петров.

- Я невольно сделал шаг назад.

- Иван Петров! Боже мой, тот, умерший? Иван Петров! Тот, которого много лет назад убили на берегу Женевского озера?

- Да, именно тот. Конечно, у меня не было темных очков, а была буйная борода, и я не был седым. Поэтому вы меня и не узнали сразу же. Как вы видите, я напялил маску и до сих пор живу, если это можно назвать жизнью. Я умер для всего мира. В Женеве вы всегда были скептиком, - продолжил Петров. – Вы всегда выступали против суеверий, значит должны мне помочь. Об оккультных делах вы знаете хотя бы то, что влияние человека с сильной волей может разорвать крепкие связи, соединяющие медиума и его владыку. Вы врач, и только вы можете меня излечить! Сейчас наступает тот час, когда я его ожидаю, с вашей помощью сегодня я хочу сразиться с ним и уничтожить его. Вы меня вынудили, я не хотел вам ничего говорить, чтобы вы сохраняли спокойствие и беспристрастность. Но я вижу, что и вы ощущаете его присутствие.

- Да, но ради Бога, кто это страшное существо, преследующее вас? - спросил я. – Это кто-то из вашего окружения? А, вспомнил! Это тот жуткий горбун?

- Я не могу вам ответить. Он мертв, давно мертв.

- Значит, Зассулич умер? – спросил я. – Да... ноя не понимаю...

- Он умер много лет назад, - ответил Петров.

Сейчас мне было еще более неприятно общество мужчины, дрожь которого заставила вспомнить давно умершего человека. Какое загадочное происшествие лишило беднягу разума? Его темные глаза бегали, а выражение лица колебалось от дикой решительности до глубочайшего трусливого сомнения.

Если поначалу я сомневался, то сейчас был твердо уверен, что имею дело с безумцем, хотя страхи этого несчастного странным образом передались и мне.

Несмотря ни на что, я равнодушно произнес:

- Конечно, я помогу вам, обещаю! Только скажите, кого вы боитесь. Это призрак серба? Вы верите в духов?

- Да, - ответил Петров.- Это он! Не он лично, не его призрак, его рука, его страшная рука, пытающаяся дотянуться до меня. Горбуна, того ничтожного карлика, мне уже незачем бояться, только той руки!

- Вы же сказали, что он мертв. К чему беспокоиться? Сегодня уже никто не боится призраков! Как вы можете быть таким суеверным? – Добавил я.

Розен посмотрел на меня с горькой усмешкой, будто понимая все лучше.

- Вы обещаете молчать?

- Да.

- Ладно, тогда слушайте! Я буду потерян для мира, если вы расскажете об этом, все будут считать меня либо сумасшедшим, либо преступником. Хотя, может, уже все равно...

Послушайте мой рассказ! Он снова там, этот белый зверь, сейчас он в камине, наверняка, в камине! Он хочет броситься на меня из пламени! Дрова! Дрова! Помогите мне сжечь эту тварь!

Петров пошел к корзине с дровами, стоявшей возле камина, и стал одно за другим швырять сосновые поленья в трещащий и вспыхивающий жар. Я не слышал сейчас ничего кроме треска свежей древесины и шипения пламени. Бешеная деятельность несчастного производила на меня такое же гнетущее впечатление, как и его постоянный страх. Я ему помог, и мы вбросили все содержимое корзины в огонь, пламя вырвалось ввысь. Петров впервые упомянул о белом звере, о котором раньше сказал слуга.

Что за призрачный зверь терзал его большое воображение, заставлял дрожать, и был готов добраться до хозяина дома даже сквозь огонь, и которого в приступе бессильной ярости Петров хотел сжечь?

А я, врач и скептик, помогаю ему в этой безумной затее!

Мы снова старались услышать какие-то звуки, напряженно ждали, как стража, ожидающего ночной атаки врага.

- Ну и бухает, ну и горит! – страшно рассмеялся Петров.- Сможет ли этому противостоять белый зверь?

Хозяин присел перед камином, затем поднялся и принялся рассказывать. Быстро, путанно, все время прерываясь и оглядываясь, он рассказал мне следующее:

- Вы знаете, что я бежал из Женевы. Меня не убили, я взял другую фамилию, много путешествовал и в конце концов остался здесь. У Женевского озера я оставил шляпу и портфель, чтобы замести следы. Прошло много лет, я уже поверил, что освободился от Зассулича. Никто из моих женевских приятелей не знал, где я обитаю, меня считали умершим. Однажды, представьте себе, вечером, сегодня исполняется ровно 17 лет с того дня, меня охватило странное беспокойство. Открывая двери, я обернулся – Зассулич стоял у меня за спиной. Я за много часов до этого знал, что он придет, ощущал его приближение – влияние магнетизма усиливалось. Его злобные глазки, его ехидная триумфальная усмешка подсказали мне, что серб хочет использовать меня в каком-то преступном плане, именно для этого он протянул свою длинную руку, надеясь вновь подчинить меня своей воле.

Я испуганно отпрыгнул и отступил за стол, который толкнул в противника.

Я не мог позвать моих слуг, так получилось, что в этот день я их отпустил. Он застал меня одного и безоружного.

Горбун выпрыгнул из-под стола как кот, и вцепился в мое плечо когтями как у обезьяны.

Визгливым голосом он выкрикнул:

- Вы в моих руках! В этот раз я вас не выпущу!

Меня охватило отчаяние. И я сорвал со стены наточенную саблю и махнул ей по руке, похожей на лапу паука, тянущуюся к жертве. Чудовище отпрыгнуло с криком, я нехотя лишил его руки.

Когда я увидел кровь и искаженную дьявольской яростью и болью мерзкую морду, я ринулся на него и заколол саблей. Я поднял горбуна и бросил тело в камин, забросав тело поленьями. Я замер перед камином и не успокоился до тех пор, пока не сжег полностью того страшного человека, терзавшего меня. Я не испытывал мук совести из-за своего поступка, он стократно заслужил такую смерть. – Петров замолк, прислушался, а затем продолжил:

- Когда огонь погас, я старательно собрал останки в сумку, чтобы ее спрятать или уничтожить. Это был жуткий труд. Я нашел все, кроме правой руки. Я обыскал всю комнату, но она исчезла. Я должен был и ее бросить в огонь, и мог забыть об этом из-за сильных переживаний. Я еще раз обыскал камин, перерыл каждую кучку пепла – ничего. Вообще ничего! Я схватился за голову, решив, что сошел с ума. Понимаете, эта рука, эта жуткая рука, не была сожжена, она исчезла при таинственных обстоятельствах, беззвучно. Когда я сидел у камина, она сбежала в какой-то угол, а может, выбралась в это окно. Я передвигал всю мебель, светил под каждый шкаф. Будто безумец я перерыл жуткие мешки с останками, вытаскивал отдельные кости, высыпал все, складывал их вместе, выложив на полу перед собой весь скелет, сто раз протирал глаза, но руки не было! Перетер обожженными пальцами весь пепел, несмотря на жуткую вонь и ожоги, - все напрасно. Все напрасно! Руки не было! Как я могу вам описать, что тогда пережил! Никто не видел приезда Зассулича, никто не заметил его исчезновения, никто его не искал. Преступление осталось нераскрытым и неотмщенным.

Тогда я и выдумал байку для слуг, что боюсь призрака, и поэтому никогда не остаюсь в доме на ночь.

Они боялись бледного зверя, хотя его никто и не видел. Это смешно, но я опасался, что однажды он придет... С вашей помощью я хочу ему противостоять, уничтожить последнюю частичку этого мертвого упыря, разрушившего мою жизнь. Поэтому я прошу вас не смеяться надо мной и не воспринимать как безумца. Я не сумасшедший, действительно, не сумасшедший!

- Но, - спросил я, - как можно мириться с такой странной иллюзией, будто исчезнувшая отрезанная рука вам угрожает? Это всего лишь галлюцинация.

Признаюсь, этим вопросом я хотел успокоить прежде всего себя.

Петров поспешно ответил:

- Как это выносил? Скажу вам об этом. Вы сами не ощутили, что сегодня необычная ночь? Сегодняшняя ночь полностью отличается от предыдущей, полностью! О, есть ночи прекрасные и спокойные. Я люблю это безлюдье, этот лес, эти луга! Но сегодня, эта мертвая тишина вокруг дома, даже не слышен шум ручья, только это шарканье, доносящееся из-за дверей и окон, тихий шелест, который я отчетливо слышал. Вы думаете, что это крысы на веранде, но нет, это белый зверь. Я чувствую, что он близко, он подстерегает меня и найдет в темноте.

Его рассказ мог опираться на некие факты, но быть плодом измученного горячкой разума. Как врач я могу утверждать, что несчастный страдал чем-то вроде мании преследования, болезненное чрезмерное раздражение нервной системы, усугубленное жуткой атмосферой нынешней ночи, которая подействовала и на меня.

Мой собеседник сидел на стуле, будто придавленный воспоминаниями о жутком поступке и смотрел в пол. Больше он ничего не сказал.

Мне показалось, что я слышу стук наших сердец, такая царила тишина. Мы напряженно прислушивались. У меня не хватало смелости заглянуть в пышущий жаром камин.

Казалось, что увижу там мертвого горбуна.

Часы на каминной полке медленно пробил 11 раз. Петров считал.

- Одиннадцать, вы слышите, одиннадцать! Как и тогда, одиннадцать! Сейчас он должен прийти! – Голос хозяина дома был одновременно визгливым и охрипшим.

В жутком возбуждении он стал метаться по комнате, размахивая саблей, и опасливо глядя на пол, под шкафы и в разные углы. Затем он застыл посреди комнаты, сильно наклонившись вперед, как борец напярк все мышцы, и впился взглядом в дверь. На его лбу проступили бисеринки пота.

Я тоже вскочил. Сумасшедший с обнаженным оружием вызывал у меня меньше опасений, чем все яснее слышимый шум, доносящийся из коридора. Я уже не сомневался – что-то приближается к дверям. Но это не были спокойные шаги человека или животного. Это было похоже на нетерпеливое царапанье ногтями. Я почувствовал как холод окутал меня с головы до пят. Напрасно я осматривался в поисках оружия, хотя и понимал, что уже ничто не поможет. Сейчас должен был войти и броситься на нас тот жуткий зверь, которого уже 17 лет боялся Петров, с той самой трагической октябрьской ночи.

Я громко заорал, затем крикнул это еще раз:

- Там ничего, наверное, ничего! Ради Бога, успокойтесь.

Я пытался себя уговорить, что это всего лишь горячка, но мне не удалось.

- Он идет! – выкрикнул Петров неестественно охрипшим голосом.

Его широко раскрытые глаза, в которых читался безумный страх, наблюдали за каким-то существом, подползавшим к нему по полу. Он медленно поднял руку с оружием над головой. Хозяин дома тяжело дышал. Его седые волосы встали дыбом.

Я знал, что что-то там было, слышал его – будто кто-то скребся длинными ногтями. Но ничего не смог разглядеть, как ни напрягал взгляд. Я почувствовал, действительно почувствовал, что в комнате есть кто-то, кроме нас.

Тех мгновений я не забуду до самой смерти. Я трясся от страха, и должен был держаться за стол, я был близок к обмороку, мои нервы были натянуты, как тетива, которая вот-вот лопнет.

Вдруг оружие Петрова опустилось, а через секунду он издал страшный крик и упал на пол. Его пальцы выпустили саблю. Он размахивал руками, пытаясь сбросить что-то, вцепившееся в его грудь. Петров наносил удары невидимому противнику. При этом он страшно вскрикивал.

Я не мог пошевелиться, руки и ноги были будто свинцовые, я беспомощно присматривался к жуткой битве.

Через несколько секунд все стихло, выкатившиеся глаза безумца остекленели. Тело не дергалось, рот был открыт как у висельника.

Энергия постепенно возвращалась ко мне, исчезало пугающее ощущение зависимости от более могущественной силы.

Я дернул шнур звонка и уперся изо всех сил в закрытую дверь. Кто-то помог мне снаружи и двери неожиданно открылись. Старый слуга помог мне поднять потерявшего сознание хозяина, перенести его на кровать и раздеть.

Петров был мертв, но мне не удалось найти никаких повреждений. Причины смерти надлежало искать в тяжелой внутренней болезни. Безутешный слуга заверил меня, что его хозяин никогда не болел, никогда ни на что не жаловался.

Вскоре прибежали слуги, разбуженные криками о помощи и моим звонком. Я рассказал, что случилось. Они так же ничего не понимали, как и я.

Мы открыли все окна комнаты, чтобы выпустить душный горячий воздух. Слуги смотрели на меня, их лица были испуганы. Позже они сказали, что я побледнел, как побеленная известью стенка.

Наиболее громко убивался по господину старый слуга, высказывая безумные домыслы о болезни Петрова.

Желая успокоить нервы, я оставил вопящих слуг и вышел в комнату рядом, чтобы вспомнить все жуткие детали произошедшего и понять всю необычность последних часов.

До этого я никогда не видел абсолютно здорового человека, умершего при таких загадочных обстоятельствах. Надо было сосредоточиться, иначе можно было свихнуться. Прошло пару часов. Начался день. В комнатах, пугающих в ночи, сейчас было светло и приятно.

Двери комнаты тихо приоткрылись, и появилась голова старого слуги. Дрожа, он выдавил из себя:

- Очень прошу, господин доктор, пойдете со мной и посмотрите, что случилось! Белый зверь был там!

Я последовал за стариком в спальню Петрова, остальные тоже, они стояли кольцом и с испуганными лицами пялились на останки хозяина. Многие шептали:

- Белый зверь.

- Вы видите это, доктор? Это был белый зверь!

Я быстро подошел.

На шее несчастного виден хорошо, так, что можно было разобрать папиллярные линии, отпечаток большой, худой руки, впившейся в горло.

